

УДК 94(47).083

**МЕБЛИРОВАННЫЕ КОМНАТЫ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
ПРОСТРАНСТВА ПОВОЛЖСКОГО ГОРОДА В 1914-1918 ГГ.**

© 2025 Е.Ю. Семенова

Самарский государственный технический университет
Самарский федеральный исследовательский центр РАН

Статья поступила в редакцию 15.04.2025

Ссылка для цитирования: Семенова Е.И. Меблированные комнаты как элемент социокультурного пространства Поволжского города в 1914-1918 гг.// Известия Самарского научно-го центра Российской академии наук. Исторические науки. Том. 7 2025 № 2. С. 29- 38

В статье проанализированы материалы о меблированных комнатах в городах Поволжья в начале XX века (по материалам Самарской губернии). Установлены регламентационные аспекты открытия и функционирования данного вида помещений в структуре городского пространства. Изучена инфраструктура меблированных комнат. Раскрыта специфика их оснащения. Автор выявил динамику цен на меблированные комнаты в военные годы Первой мировой войны. Исследована социальная база владельцев и постояльцев данного вида помещений. Автор обратил внимание на национальный аспект функционирования меблированных комнат в структуре социокультурного пространства городов Самарской губернии.

Ключевые слова: Первая мировая война, города Поволжья, бытокультура, этнический аспект, наем жилья, меблированные комнаты.

DOI: 10.37313/2658-4816-2025-7-2-29-38

EDN: TNFJOC

Социокультурное пространство города имеет сложную структуру. Вопросы жилых помещений в пространстве городской среды исследовались на материалах столиц¹. По периоду Первой мировой войны данная проблематика изучалась на материалах Поволжья².

Однако бытовые и социальные аспекты городской среды требуют более детального анализа. В данной статье мы проанализируем многоплановый контент меблированных комнат в городах Самарской губернии преимущественно по материалам губернского города Самары.

Источниковой базой работы являются материалы Центрального государственного архива Самарской области (далее - ЦГАСО). В фонде канцелярии самарского губернатора (Ф. 3) представлена делопроизводственная документация. Сюда поступали прошения об открытии меблированных комнат, через нее же осуществлялось производство по проверке просителей, помещений, выдача свидетельства на право содержания меблированных комнат, рассмотрение жалоб на препятствия к их открытию. Ценные данные о стоимости жилья и причинах ее роста содержат материалы фонда Самарской городской управы (Ф. 153).

Меблированные комнаты как жилое помещение функционировали в начале XX в. на основе правил, определенных Высочайшим повелением от 23 октября 1878 г. На территории Самарской губернии действовал более подробный регламент, который позволяет рассматривать меблированные комнаты в контексте городской среды, он включал серию обязательных постановлений, выпущенных за период 1871-1913 гг. Данные постановления регламентировали технические аспекты обустройства, оснащение, особенности содержания,

Семенова Екатерина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры философии, социальных и гуманитарных наук Самарского государственного технического университета, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Самарского федерального исследовательского центра РАН.

E-mail: dashka129k@yandex.ru

включая бытовые условия в помещении, формулировали требования к личности владельцев, а также к поведению постояльцев. Анализ регламентационных показателей позволяет заключить, что они были направлены на обеспечение удобства и здоровья постояльцев, безопасность, поддержание социального благополучия без девиаций, что в конечном итоге отражалось на развитии внутригородского пространства как социально благополучного, относительно удобного, не представляющего угрозы для городских обывателей.

Особых требований к материалу, из которого было построено сооружение со сдаваемыми помещениями, его этажности не было, за исключением одного - не размещать комнаты для постояльцев в подвальном этаже. Необходимым признавалось наличие свободного коридора с проходом к выходу без дверей. Причем на каждый коридор должен был приходиться один коридорный, не моложе 18 лет, вежливый и опрятный³.

В Самаре с ее невысокой застройкой зданиями в один-два, редко в три этажа, среди которых были как деревянные, так и с первым этажом каменным, вторым – деревянным, а также двухэтажные каменные, меблированные комнаты, как правило, располагались на втором этаже здания.

Составляющими регламента являлись требования к противопожарной безопасности и протечкам воды, распространению нечистот. Владелец должен был следить за печами, трубами, прочищать их не реже одного раза в месяц, обязательно иметь кадушки с водой и лестницу, по которой можно было добраться до крыши строения. Не разрешалось курение в холодных надворных строениях. В случае наличия услуги по приготовлению еды кухню нужно было разместить в отдельном помещении или отделить ее капитальной стеной с обязательной окраской масляной краской до уровня трех аршин. Постоялые двory следовало оснащать местом для лошадей, их корма, а также для телег⁴.

Также выдвигались требования, нацеленные на предоставление относительно удобных возможностей для постояльцев. В случае работы кухни владелец должен был оснастить ее плитой или печью и кубом для нагрева воды, содержать чистыми столовые принадлежности, скатерти (с обязательной их сменой минимум дважды в неделю), лудить самовары. Каждое сдаваемое помещение необходимо было оборудовать зеркалом, столом, стульями, комодом, кроватью с тюфяком. По требованию квартиранта владелец должен был предоставить постельное белье и подушки⁵.

Документы об открытии меблированных комнат в Самаре и уездных городах губернии позволяют судить о реальной обстановке в них и о возможных удобствах для постояльцев. Подчеркнем, что акты осмотра помещений не всегда содержат достаточную информацию, включающую данные с конкретным перечнем всей обстановки.

Наиболее полные обзоры свидетельствуют о качестве ремонта, наличии систем проветривания, освещения, отопления, водоснабжения, доступа к туалету, наличии мебели и постельных принадлежностей.

Так, заключение от июня 1914 г. о том, что помещение «вполне отвечает своему назначению», было дано при осмотре комнат в доме №95 на Самарской улице в Самаре, здесь в каждом из 9 номеров, недавно отремонтированных, имелась вентиляция, электрическое освещение, стены оклеены обоями, а полы покрыты линолеумом, были комод, кровать с постельными принадлежностями, зеркало, стол и стулья, умывальник⁶.

Меблированные комнаты, расположенные в Самаре на улице Ильинской, в доме 34, при подготовке к сдаче в августе 1914 г. были капитально отремонтированы: стены обиты хорошими обоями, двери и окна покрашены белой краской, потолки побелены, полы покрыты новым линолеумом. Все комнаты характеризовались как просторные, с вентиляцией в окнах и в печах, оборудованные достаточным количеством мебели, белья и одеял, была возможность пользования теплым туалетом. Однако отмечалось, что электричество «будет»⁷.

Подчеркнем, что выявленные документы (акт осмотра и сведения в заключении), которые оформлял пристав (полицмейстер, уездный исправник) по запросу губернатора, были менее информативными. Так, акт осмотра от 23 декабря 1913 г., составленный исполняющим обязанности пристава 1-й части города Самары Мельниковым при участии санитарного врача Г. Вырапаева, разрешал крестьянину Григорию Кирилловичу Слободину открыть двадцать меблированных комнат на 1914 г. в Самаре в доме, находившемся на набережной реки Волги (дом Беркутова № 87). В акте фигурируют сведения о расположении восьми номеров на втором этаже и двенадцати – на третьем, с характеристикой, что они находятся «в удовлетворительном по чистоте состоянии», мебель «прочная», постельные принадлежности «чистые», «ватерклозеты содержатся опрятно», «форточки в них имеются в достаточном количестве»⁸.

В протоколе осмотра помещений для двадцати меблированных комнат от 9 февраля 1914 г. в городе Бузулуке на углу улиц Уфимской и Оренбургской, которые собирался сдавать бузулукский мещанин Василий Михайлович Галкин на втором этаже двухэтажного дома, содержатся довольно «скромные» сведения: «хорошо отремонтированы», «достаточно просторны и высоки», данные о том, что на стенах новая обивка, туалеты теплые и оснащены водоснабжением, в комнатах имеется мягкая мебель и постель»⁹.

Схожие данные фигурируют в акте осмотра от 10 ноября 1915 г. меблированных комнат, которые располагались в арендованном доме, находившемся в 4-й части Самары по адресу: улица Ильинская, дом №34, хотя в акте осмотра указанных комнат годом ранее, как отмечалось выше, содержалась более подробная информация. Акт 1915 г. включает сведения о том, что в номерах чисто, белье чистое и его количества достаточно, воздух в помещении свежий, в туалете «тепло и чисто», помещение «вполне соответствует своему назначению»¹⁰.

Минимум сведений содержит акт осмотра семи меблированных комнат, которые собирался открыть в Самаре на Набережной улице в доме №109 крестьянин Фатых Вандеярович Илингин. Констатация в заключении полицмейстера «препятствий нет» основывалась на данных акта осмотра от 10 мая 1914 г., в котором фигурируют сведения о том, что комнаты чистые, опрятные, небольшие, во всех комнатах есть окна¹¹.

Самый незначительный перечень полезной информации о меблированных комнатах из выявленных документов содержится в следующих. В одном отражено состояние четырнадцати номеров, которые просил открыть на 1915 г. крестьянин Иван Астафьевич Дубровин в доме, расположенном в 5-й части Самары на Троицкой улице (дом Бирюлина №140). Согласно акту осмотра, проведенного исполняющим дела пристава 5-й части Галкиным и врачом Г. Клячкиным, от 19 декабря 1914 г. меблированные комнаты располагались на втором этаже деревянного, обложенного кирпичом дома, в них была «надлежащая обстановка», все номера были «отремонтированы заново», содержались «чисто» и «отвечали санитарным правилам»¹². В другом акте осмотра от 18 марта, как разрешительной документации на открытие восьми номеров в меблированных комнатах на 1914 г. крестьянином Петром Николаевичем Губановым в Самаре на набережной реки Волги на углу Воскресенской улицы, отмечается, что все восемь комнат «соответствуют назначению», а именно – заново отремонтированы, опрятно содержатся и в них «паразитов нет»¹³.

В ряде архивных дел, включающих сведения об открытии меблированных комнат, отсутствуют подробные акты осмотра помещений, что не позволяет дать им оценку по уровню удобства и безопасности для жильцов. Например, об открытии в городе Покровске крестьянином Кузьмой Андреевичем Тереховым меблированных комнат имеются только данные о том, что их было семь и свидетельство было выдано 10 ноября 1914 г.¹⁴ Об открытии крестьянкой Натальей Андреевной Цапуниной в Николаевске в августе 1914 г. меблированных комнат имеются сведения о том, что их было тринадцать и они размещались в собственном доме¹⁵.

Разрешительная документация для открытия меблированных комнат включала следующие компоненты. Владелец дома или арендатор обращался с прошением на имя губернатора об открытии меблированных комнат в доме по определенному адресу, указав предполагаемое количество помещений, которые собирался сдавать. Из канцелярии губернатора на имя полицмейстера или уездного исправника поступал запрос о проверке просителя на политическую благонадежность, а помещения - на соответствие требованиям. Далее пристав определенного городского участка (в губернском городе, затем передавал информацию полицмейстеру) или уездный исправник (в уездном или заштатном городе) собирал сведения о просителе, вместе с санитарным врачом и составлял заключение – на основе данных о личности просителя и акта осмотра помещений - о возможности или невозможности открытия меблированных комнат. В случае положительного заключения, которое обычно сопровождалось формулировкой о том, что к открытию указанным фигурантом меблированных комнат в определенном количестве по отмеченному адресу «препятствий нет», следовало положительное решение со стороны губернатора, после чего проситель должен был заплатить гербовый сбор. Разрешение - Свидетельство выдавалось сроком на год с возможностью дальнейшего продления на основании нового прошения¹⁶.

Серия документов позволяет судить о том, что местное руководство подходило обдуманно к вопросу открытия и содержания меблированных комнат. В случае несоответствия нормам содержания помещений в акте осмотра фиксировались нарушения и пристав (полицмейстер, уездный исправник) констатировали, что в данном состоянии комнаты функционировать не могут, перечислялись конкретные недочеты, которые арендатору или владельцу следует устранить.

Так, при очередной проверке в ноябре 1913 г. меблированных комнат, располагавшихся в Самаре в доме на углу улиц Предтеченской и Самарской и сдававшихся с продлением с 1909 г. Иваном Пантелеевичем Романовским, было выявлено, что, хотя обустройство комнат включает ряд необходимых составляющих - печную вентиляцию и отопление, водопроводное водоснабжение, ламповое освещение в комнатах и коридорах, наличие в каждом номере кровати с постельными принадлежностями, зеркала, стола, стульев, есть и серьезные нарушения: комод и умывальник имелись только в семи из тринадцати номеров, а также «стены помещения грязные с частичными следами давленных клопов», канализации «не имеется». Соответствующее заключение на основе акта осмотра помещений от 29 ноября 1913 г. гласило: «В таком виде номера на 1914 год к открытию разрешены быть не могут, если не будет произведен ремонт». И.П. Романовский обязывался привести помещения в соответствие с нормами, а именно: покрасить полы, покрасить или оклеить обоями стены и побелить потолки¹⁷. После устранения данных недоработок, повторной подачи прошения и повторно проведенного осмотра арендатор Романовский получил разрешение на содержание меблированных комнат в январе 1914 г. Причем открывал он уже не 13, а 11 комнат. Запрет на сдачу меблированных комнат, очевидно, возымел свое действие на арендатора. В дальнейшем он смог продлить сдачу меблированных комнат, улучшая их обстановку на 1915 и 1916 годы. В соответствующих актах осмотра отмечалось, что в помещениях везде чисто, полы, кроме конторы, покрыты линолеумом, в комнатах и коридорах действует электрическое освещение, они хорошо отремонтированы, светлые и достаточно проветриваются¹⁸.

При открытии меблированных комнат в 1-й части Самары на Алексеевской площади в доме №72 проводивший осмотр помещений в сопровождении санитарного врача пристав 1-й части в составленном акте отметил, что номера чистые, но отсутствуют форточки, в двух коридорах нет света, чехлы на матрасах и наматрасниках «грязноватые» и в уборных «не особенно чисто», и заключил, что номера могут функционировать только после устранения замечаний. На их устранение мещанке Ольге Романовне Алексеевой, арендовавшей

помещения, потребовалось около трех недель. Повторный осмотр был проведен 8 ноября, а свидетельство на сдачу двадцати девяти номеров выдано 19 ноября 1914 г.¹⁹

При наличии незначительных замечаний к устройству меблированных комнат акт осмотра содержал положительное решение, но с лица, сдававшего помещения, бралась официальная подписка об устранении замечаний. Примером данного пути является история открытия помещиком Николаем Александровичем Земцовым меблированных комнат в собственном доме, находившемся в 3-й части Самары на углу улиц Льва Толстого и Троицкой (№57/72). Прошение на имя самарского губернатора об открытии «номеров с кухней для приезжих» Земцов направил 4 августа 1914 г. Самарский полицмейстер получил из канцелярии губернатора предписание собрать «надлежащие сведения» и составить «свое заключение» по вопросу возможности открытия меблированных комнат, уточнив их количество. 17 сентября пристав 3-й части, на территории которой размещался объект, Изосимов, совместно с исполняющим обязанности заведующего санитарным отделением Самарской городской управы врачом Гершуни произвел осмотр помещений и составил акт осмотра. В нем указывалось, что А.Н. Земцов подготовил для сдачи тридцать восемь меблированных комнат, располагающихся на втором и третьем этажах собственного дома. Отмечалось, что помещения отремонтированы. С высокими потолками, светлые, в каждом номере имеется кровать, стол, стулья, а гардероб, раковина, электрическое освещение есть как в номерах, так и в коридорах. В акте отмечалось замечание – наличие вентиляции только в части комнат. Именно его владелец должен был устранить, о чем давал подписку. Как меблированные комнаты данные помещения ранее сдавались в 1913 г. арендатором Ушаковым, но в связи с неудачами последнего в торговой практике были им закрыты и находились в сносном состоянии. 22 сентября пристав составил заключение на имя полицмейстера, что с его стороны препятствий к открытию меблированных комнат нет. Соответствующее заключение полицмейстер отправил губернатору 7 октября. Свидетельство на право содержания меблированных комнат Земцову было оформлено от 9 октября, а получил он его 15 октября 1915 г.²⁰

Функционирование меблированных комнат было сопряжено с социальным аспектом контингента жильцов, в том числе касалось их нравственного поведения. По изученным материалам можно заключить, что меблированные комнаты на территории Самары и уездных городов губернии закрывали или не разрешали открыть в связи с неблагополучием проживавших.

Например, в Бузулуке 19 ноября 1914 г. полицейским надзирателем 2-й части Аполлоновым при участии участкового городского Михаила Степанова был составлен протокол на Петра Давыдовича Скрынника с предписанием закрыть меблированные комнаты из-за «допущения в свои номера проституции» (были открыты циркуляром самарского губернатора от 10 апреля 1913 г.). Расследование показало, что несколько приехавших из деревни женщин (Анна Сокова, Анна Горшкова и Мария Бармотина) приходили в данные номера «пить чай» и «закусывать», а затем неоднократно «ночевали в номерах» «с разными лицами». Сами женщины при допросе показали, что не имеют определенного занятия и осуществляют проституцию, после чего были отправлены в Самару этапным порядком для водворения на жительство, а Скрынников был привлечен к ответственности по статьям 29, 41 и 45 Уложения о наказаниях²¹.

Детективная история, раскрывающая встречающееся в меблированных комнатах социальное неблагополучие, развернулась в Самаре к лету 1916 г., когда стало известно, что такие комнаты, располагавшиеся по адресу: улица Самарская, дом №69 во 2-й части города (дом Сизова), пользуются дурной славой. До ноября 1914 г. их содержал помещик Дмитрий Павлович Чалкин, затем крестьянин Василий Иванович Дворянинов. Владелицей дома являлась крестьянка Амалия Карловна Пик-Пиквит, проживавшая в Самаре на Самарской улице

в доме №160. В ноябре 1915 г. Дворянинов попытался оформить комнаты на родную сестру Варвару Ивановну Дворянинову, которая как новая владелица должна была получить новое свидетельство на право содержания комнат. Оно было оформлено 25 апреля 1916 г.²²

Далее история данных комнат приобретает запутанный сюжет. 1 июля 1916 г. в газете «Волжский день» вышла статья «Трущобы», в которой об этих номерах сообщалось, что они находятся в районе, который «изобилует массовыми скандалами разнообразного и прошлого люда низшего класса», а на держателя номеров Жоголева составлялись протоколы «за проституцию»²³. Как оказалось при дальнейшем выяснении истории данных номеров, В.И. Дворянинов переуступил их крестьянину Вадиму Николаевичу Жоголеву. Жоголев попытался оформить содержание номеров официально, но в данный период времени история номеров получила огласку в прессе, репутация данного предприятия была уже испорчена²⁴.

3 августа 1916 г. полицмейстер Кириллов и санитарный врач А.С. Ганушкин провели осмотр тринадцати меблированных комнат. Акт осмотра содержит довольно полную информацию о помещении: меблированные комнаты располагались на втором этаже, каждый номер был оснащен железной кроватью, столом, стулом. Подчеркивалось, что матрасы в комнатах «грязные», «пыльные», «подшиты мешком», умывальники отсутствуют, в составе запасного белья имеются подушка, одеяло и простыня, стены оклеены дешевыми, однако чистыми обоями, но в некоторых комнатах протекает потолок. Свет в комнатах обеспечивался одной «висячей» лампочкой. Отопление осуществлялось дровяными голландскими печами, по одной на две комнаты. Услуги «темной» кухни были предоставлены только для хозяев и прислуги. Хотя к дому был подведен водопровод, туалет находился на улице, представляя собой «выгребную яму», которая на период проверки была переполнена. На нижнем этаже размещались чайная и крендельная. Постоялый двор характеризовался грязным, переполненным приезжими из деревень крестьянами и лошадьми²⁵. Результатом этого акта стало заключение от 18 августа 1916 г. о том, что удовлетворить ходатайство Жоголева о содержании им номеров нельзя²⁶.

3 октября 1916 г. Амалия Пик-Пиквит обратилась к губернатору с ходатайством о закрытии номеров, которые сдавала Дворянинову, а не Жоголеву. К этому времени выяснилось, что с 1 октября данные номера находятся уже в аренде у некоего Франца Францевича Рутковского, отца пятерых детей, который арендовал их незаконно за 200 рублей в месяц и предоставлял для снятия. 30 октября Рутковский подал официальное прошение о содержании данных номеров. По итогам проведенного осмотра и выяснения обстоятельств в рапорте от 12 ноября 1916 г. полицмейстер отметил, что давать официальное разрешение на содержание меблированных комнат Рутковскому нельзя, поскольку он допускает в номера проститутки. По данным проведенного приставом Агеевым и околоточным надзирателем Соловьевым осмотра в нелегально функционировавших комнатах были обнаружены проститутки, сбежавший призывник, ведро пива. Повсюду просматривалась грязь²⁷.

Анализ прошений на имя губернатора об открытии меблированных комнат позволяет утверждать, что они открывались либо собственником здания, либо арендатором, который приобретал у собственника строение с целью сдачи номеров, в том числе и самостоятельно обустроивая данное помещение. Выявлены случаи, когда арендатор здания в свою очередь передавал его в аренду третьему лицу, которое сдавало комнаты. Количество меблированных комнат, открывавшихся в губернском и уездных городах, зависело от возможностей владельца и арендатора. Минимально выявленное нами по архивным материалам число на примере городов Самарской губернии – семь, максимальное – тридцать восемь комнат. Среди других статистических показателей – восемь, девять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, шестнадцать, двадцать, двадцать девять²⁸. Владелец или арендатор мог проживать как в данном же доме в отдельной комнате или комнатах, так и по другому адресу.

Социальная принадлежность владельцев и арендаторов домов, которые сдавали меблированные комнаты в Самаре и уездных городах, представлена крестьянами и мещанами. Среди арендаторов, пытавшихся сдавать меблированные комнаты, выявлен один дворянин – упоминавшийся ранее Ф.Ф. Рутковский, прошение которого было отклонено губернатором несмотря на его жалобу в адрес пристава, проводившего осмотр помещения.

Социальную базу жильцов меблированных комнат характеризовать проблематично. В отношении Самары это возможно по отдельным территориям. Контингент жильцов, снимавших меблированные комнаты, выясняется на основе жалоб о резком повышении цен на квартиры весной 1916 г. В апреле 1916 г. начальству Трубочного завода, губернатору поступила серия жалоб о повышении цен на меблированные комнаты от рабочих инструментальных мастерских Трубочного завода. Согласно документам, они снимали жилье в пределах Монастырского поселка²⁹, Молоканского сада³⁰, на улице Полевой³¹, на Саратовской улице³².

По гендерной принадлежности лиц, открывавших меблированные комнаты, мужчины преобладают, на них приходилось немногим менее 2/3 таких предпринимателей.

Об этнической принадлежности лиц, сдававших меблированные комнаты, делать выводы можно только на основе фамилии и имени. Нам встретился только один владелец с татарским именем и фамилией, несколько – с немецкими, практически у всех фамилии и имена – русские³³. Однако отметим, что материал взят на основе Самары. Об этническом составе лиц, снимавших меблированные комнаты, делать выводы сложно, поскольку они фигурируют в исключительных случаях.

Причины, побуждавшие людей сдавать меблированные комнаты, в ряде прошений указаны вполне конкретно. Ключевым посылом являлся заработок средств на жизнь. В прошении зачастую фигурировало обоснование – «коммерческие номера для приезжих», что говорит о цели – получении дохода.

Также отметим особенности открытия меблированных комнат женщинами. Они оформляли на себя свидетельства о содержании меблированных комнат в связи с различными обстоятельствами, чаще всего – утратой опоры в лице мужчины. Например, Мария Петровна Галкина решила получить свидетельство на право ведения меблированных комнат после смерти супруга осенью 1914 г.³⁴ Александра Ивановна Дойникова была вынуждена оформить на себя документы после призыва ее супруга в августе 1915 г. как ратника ополчения 1-го разряда³⁵. Матрена Алексеевна Балыкина добивалась права вести дело бывшего сожителя после его отправки на военную службу в начале 1915 г. Женщина успешно попыталась преодолеть возникшие трудности. Она обосновывала свое решение сложным положением, в котором оказалась, – необходимостью содержать пожилых родителей и малолетнего ребенка, и несмотря на отрицательный отзыв полицмейстера, основывавшегося на дурной репутации номеров при прежнем владельце, получила разрешение от губернатора³⁶.

Ценовая политика в отношении найма меблированных комнат в годы войны определялась рядом факторов. Общая тенденция военного периода – повышение цен на меблированные комнаты. Данный вопрос обсуждался на заседании Самарской городской управы уже в сентябре 1915 г. Была создана «комиссия для выяснения положения в Самаре квартирного вопроса и выработки нормальных цен на квартиры», в состав которой вошли М.И. Головкин, М.Х. Баишев, А.А. Савинов, Ю.Н. Дологов и А.И. Чуркин. Однако уже в начале ее работы был поставлен закономерный вопрос – как нормировать цены на квартиры, если «один дом дает доход 4%, другой – 10%»? Комиссия в результате сбора сведений о ценах на жилье к концу месяца пришла к выводу о том, что большие квартиры подорожали в соответствии «с общим вздорожанием жизни», а цены на небольшие и средние квартиры «в виду огромного наплыва беженцев повысились чрезмерно»³⁷. Комиссия выяснила, что цены на квартиры, стоившие в пределах 150-300 руб., выросли на 50%, на квартиры, за которые платили 500-600 руб., – на 25%, на квартиры за 600-1200 руб. – на 10%³⁸.

К началу 1916 г. комиссией были собраны сведения о повышении цен на жилье в Самаре по более чем 2500 сдаваемых помещений, что составляло около 10% всех квартир. Они были взяты из данных городского по квартирному налогу присутствия. На их основе был составлен перечень с адресами, фамилиями владельцев, суммой платы на 1 января 1915 г. и на 1 января 1916 г., из чего рассчитан процент повышения цены и отмечен абсолютный показатель повышения стоимости жилья по каждому адресу. Основываясь на данном документе, мы выявили, что в абсолютных показателях рост цен на жилье к началу 1916 г. в Самаре составлял прибавку на сумму от 12 до 360 рублей (стоимость повысилась от начальных показателей в диапазоне 12 и 1340 руб. по разным объектам до 24 и 1500 рублей в месяц). В процентном отношении прибавка стоимости жилья составляла 4% (с 300 руб. до 312 руб.), 5% (с 264 до 267 руб.), 12% (с 1340 до 1500 руб.), 20% (с 500 до 600 руб.), 33% (с 180 руб. до 240 руб.), 43% (с 42 руб. до 60 руб.), 50% (с 720 руб. до 1080 руб.), 67% (с 180 руб. до 300 руб.), 100% (с 36 руб. до 72 руб., с 48 руб. до 96 руб.), 140% (с 60 руб. до 144 руб.)³⁹.

Причины повышения цен на жилье, в том числе меблированные комнаты, определялись несколькими обстоятельствами. Главное из них – приток беженцев. В условиях войны жилье становилось еще более реальным способом извлечения дохода от имевшейся недвижимости. Причем его пытались извлечь как собственники комнат, так и лица, арендовавшие у собственника жилье. Также основательной причиной было общее удорожание жизни, сопряженное с инфляцией военного периода. Кроме того, стоит учитывать рост цен на услуги по очистке выгребных ям, водопровод, канализацию, дрова для печного отопления, которые приводили к дополнительным расходам для владельцев меблированных комнат.

Интересный факт, повлиявший на стоимость меблированных комнат и квартир, был отмечен на заседании Самарской городской управы в начале осени 1915 г. – многие владельцы, стремясь соблюдать все правила содержания и получать доход от сдачи помещений, за лето 1915 г., когда стал отмечаться наплыв иногороднего населения на территорию Самары, провели в меблированные комнаты и квартиры электричество, канализацию⁴⁰. Теперь они стремились вернуть данные траты.

Изучение функционирования меблированных комнат на материалах городов Самарской губернии позволяет характеризовать данный сектор жилья как составляющую городского пространства. Регламентационные аспекты открытия и функционирования данного вида помещений общероссийского и губернского масштабов содействовали поддержанию благоустройства городской территории. Этот вывод основан на выявленной в 1915 г. тенденции развития инфраструктуры бытовых коммуникаций, а также на актах осмотра открывавшихся меблированных комнат, в которых фигурируют сведения о проведенных в помещениях ремонте и обустройстве жизненно важных для постояльцев систем.

Изучение инфраструктуры меблированных комнат позволяет заключить, что они являлись частью домовладения в составе системы общепита или были связаны с системой питания жильцов, включались в систему строения с выходом на улицу, пожарной безопасности, возможности свободного и удобного перемещения по внутрименовому пространству коридоров.

Оснащение меблированных комнат прежде всего было рассчитано на сон, а также возможности использования стола. Дополнительной возможностью являлось осуществление санитарно-гигиенических процедур, а также питания в помещении, непосредственно близком к самой комнате.

Динамика цен на меблированные комнаты в военные годы затронула все ценовые сегменты, но в большей степени удорожание в процентах отразилось на дешевом и среднем ценовом секторе жилья, что являлось закономерным следствием состава населения, представленного в Самаре мещанами, крестьянами, в военные годы – беженцами, потерявшими почти все и не имевшими значимых сумм для оплаты дорогостоящих комнат.

Социальная база владельцев мебелированных комнат демонстрирует включенность крестьян и мещан в коммерческую деятельность на основе недвижимости. Однако ряд документов позволяет утверждать, что подобная практика иногда была сопряжена с нарушением морально-этических норм и содействовала развитию антисоциальных девиаций – проституции и пьянства.

Примеры перехода владения мебелированных комнат в руки женщин укрепляют нарратив материалов об изменении статуса женщины в период Первой мировой войны по пути становления эмансипированной, отвечающей за судьбу своих детей и своей семьи персоны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дегтярев С.О. Гостиничное дело в дореволюционной Москве: 1861-1914 гг.: диссертация ... к. и. н. Москва, 2015. 228 с. // URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Degtyarev.pdf> (дата обращения: 20.05.2025); Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. Москва: АСТ: Астрель, 2011. 678 с.; Юхнева Е.Д. Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. Москва, Санкт-Петербург: Центрполиграф, МиМ-Дельта, 2008. 361 с.; Якубенко Е.В., Шевырев А.П. Жилищный вопрос в России и перспективы его решения в начале XX века // Человеческий капитал. 2020 № 2. С. 17-25.
- ² Семенова Е.Ю. Общественные и частные помещения в городском пространстве российской провинции в годы Первой мировой войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т.18. №3. С. 282-288.
- ³ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 153. Оп. 36. Д. 1505. Л. 2-3.
- ⁴ Там же. Л. 2-8.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. Ф. 3. Оп. 130. Д. 169. Л. 1-5.
- ⁷ Там же. Д. 143. Л. 2 об.-4.
- ⁸ Там же. Д. 148. Л. 1, 2, 5.
- ⁹ Там же. Д. 252. Л. 1а, 6, 8.
- ¹⁰ Там же. Д. 143. Л. 7-8.
- ¹¹ Там же. Д. 166. Л. 1, 3, 5.
- ¹² Там же. Д. 165. Л. 1, 4.
- ¹³ Там же. Д. 168. Л. 1, 4, 5.
- ¹⁴ Там же. Д. 132. Л. 1, 5.
- ¹⁵ Там же. Д. 170. Л. 1, 3, 4.
- ¹⁶ Например, ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 130. Д. 165. Л. 1-7.
- ¹⁷ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 130. Д. 142. Л. 1, 3-4.
- ¹⁸ Там же. Л. 5-6, 11, 13, 17-21, 26.
- ¹⁹ Там же. Д. 133. Л. 1-10.
- ²⁰ Там же. Д. 130. Л. 1-2, 5-6 об., 8, 10.
- ²¹ Там же. Д. 135. Л. 1-4.
- ²² Там же. Д. 144. Л. 1, 7, 14, 18, 27.
- ²³ Там же. Л. 19.
- ²⁴ Там же. Л. 21-21 об.
- ²⁵ Там же. Л. 24.
- ²⁶ Там же. Л. 26.
- ²⁷ Там же. Л. 29.
- ²⁸ Там же. Д. 130. Л. 6; Д. 132. Л. 1; Д. 142. Л. 25; Д. 143. Л. 2 об.; Д. 144. Л. 18; Д. 148. Л. 5; Д. 161. Л. 1; Д. 165. Л. 4; Д. 166. Л. 1; Д. 168. Л. 4; Д. 169. Л. 4; Д. 170. Л. 3.
- ²⁹ Там же. Оп. 131. Д. 3. Л. 13 об., 20, 23, 25.
- ³⁰ Там же. Л. 11-14.
- ³¹ Там же. Л. 37.
- ³² Там же. Л. 10 об.
- ³³ Там же. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1489. Л. 15-20.
- ³⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 130. Д. 252. Л. 10.
- ³⁵ Там же. Д. 143. Л. 7.
- ³⁶ Там же. Оп. 131. Д. 58. Л. 1, 4, 10-12, 14.
- ³⁷ Там же. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1489. Л. 6.
- ³⁸ Там же. Л. 11.
- ³⁹ Там же. Л. 15-20.
- ⁴⁰ Там же. Л. 1.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 153. Оп. 36. Д. 105, 1489; Оп. 130. Д. 130, 132, 142, 143, 144, 148, 161, 165, 166, 168, 169, 170, 252; Оп. 131. Д. 3,58.
2. *Дегтярев С.О.* Гостиничное дело в дореволюционной Москве: 1861-1914 гг.: диссертация ... к.и.н. Москва, 2015. 228 с. // URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Degtyarev.pdf> (дата обращения: 15.04.2025)
3. *Руга В., Кокорев А.* Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. Москва: АСТ: Астрель, 2011. 678 с.
4. *Семенова Е.Ю.* Общественные и частные помещения в городском пространстве российской провинции в годы Первой мировой войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т.18. №3. С. 282-288.
5. *Юхнева Е.Д.* Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. Москва, Санкт-Петербург: Центрполиграф, МиМ-Дельта, 2008. 361 с.
6. *Якубенко Е.В., Шевырев А.П.* Жилищный вопрос в России и перспективы его решения в начале XX века // Человеческий капитал. 2020 № 2. С. 17-25.

REFERENCES

1. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Samarskoj oblasti. F. 153. Op. 36. D. 105, 1489; Op. 130. D. 130, 132, 142, 143, 144, 148, 161, 165, 166, 168, 169, 170, 252; Op. 131. D. 3,58.
2. *Degtyarev S.O.* Gostinichnoe delo v dorevolucionnoj Moskve: 1861-1914 gg.: dissertaciya ... k.i.n. Moskva, 2015. 228 s. // URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Degtyarev.pdf> (data obrashcheniya: 15.04.2025)
3. *Ruga V., Kokorev A.* Povsednevnyaya zhizn' Moskvy. Oчерki gorodskogo byta v period Pervoj mirovoj vojny. Moskva: ACT: Astrel', 2011. 678 s.
4. *Semenova E.Yu.* Obshchestvennye i chastnye pomeshcheniya v gorodskom prostranstve rossijskoj provincii v gody Pervoj mirovoj vojny // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2016. T.18. №3. S. 282-288.
5. *Yuhneva E.D.* Peterburgskie dohodnye doma. Oчерki iz istorii byla. Moskva, Sankt-Peterburg: Centrpoligraf, MiM-Del'ta, 2008. 361 s.
6. *Yakubenko E.V., Shevyrev A.P.* Zhilishchnyj vopros v Rossii i perspektivy ego resheniya v nachale XX veka // Chelovecheskij kapital. 2020 № 2. S. 17-25.

FURNISHED ROOMS AS AN ELEMENT OF THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF A VOLGA CITY IN 1914-1918

© 2025 E.Y. Semenova

Samara State Technical University
Samara Federal Research Center of Russian Academy of Sciences

The article, based on materials from the Samara province, presents materials about furnished rooms in the cities of the Volga region in the early 20th century. The author focuses on the regulatory aspects of the opening and functioning of this type of premises in the structure of urban space, studies the infrastructure of furnished rooms and identifies the specifics of their equipment. The article demonstrates the dynamics of prices for furnished rooms during the World War I. The social base of owners and guests of this type of premises is investigated. The author drew attention to the national aspect of the functioning of furnished rooms in the structure of the socio-cultural space of the cities of the Samara province.

Keywords: World War I, Volga region cities, everyday culture, ethnic aspect, rental housing, furnished rooms.

DOI: 10.37313/2658-4816-2025-7-2-29-38

EDN: TNFJOC

Ekaterina Semenova, Doctor of History, Associate Professor, Professor, Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University; Senior Researcher, History and Archeology Department, Samara Federal Research Center of RAS. E-mail: dashka129k@yandex.ru